 © Авторы статьи / Authors of the article

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.82 EDN: OUGHDK

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Научная статья

Гуреев В.А.[1, *]

[1] Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (gureyev[at]mail.ru)

Предложена: 24.02.2024; Принята: 06.03.2024; Опубликована: 18.03.2024

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению лингвофилософских аспектов реализации эгоцентрического принципа в системе естественного языка. Обращается внимание на вопросы соотношения мышления и языка, на различные типы мыслительной деятельности человека как имеющие непосредственное отношение к формирующейся концепции языкового эгоцентризма. Подчеркивается, что мышление человека по своей сути имеет эгоцентрически направленный характер. При рассмотрении существующих знаковых систем в плане их приоритетности применительно к процессу мышления словесный язык следует относить к тем знаковым системам, которые определяют существующие невербальные семиотические системы, то есть составляют их основу. Отмечается, что эгоцентрический принцип проявляет себя в языке непосредственно через систему классов слов, которая, как показано в статье, является эгоцентрически ориентированной.

Ключевые слова: концепт я, языковой эгоцентризм, система классов слов, мышление и язык, семиотическая система, языковые эгоцентрики.

LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE EGOCENTRIC PRINCIPLE IN THE LANGUAGE SYSTEM

Research article

Gureev V.A.[1, *]

[1] Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (gureyev[at]mail.ru)

Suggested: 24.02.2024; Accepted: 06.03.2024; Published: 18.03.2024

Abstract

The article is devoted to the consideration of linguistic and philosophical aspects of the implementation of the egocentric principle in the natural language system. Attention is drawn to the issues of the correlation of thinking and language, to various types of human mental activity as directly related to the emerging concept of linguistic egocentrism. It is emphasized that human thinking is inherently egocentric in nature. When considering the existing sign systems in terms of their priority in relation to the process of thinking, verbal language should be attributed to those sign systems that define the existing non-verbal semiotic systems, that is, they form their basis. It is noted that the egocentric principle manifests itself in the language directly through the system of word classes, which, as shown in the article, is egocentrically oriented.

Keywords: self-concept, linguistic egocentrism, word class system, thinking and language, semiotic system, linguistic egocentrics.

Введение

Доктрина языкового эгоцентризма представляет собой совокупность взглядов на природу и особенности манифестации эгоцентрического принципа в системе естественного языка. Своим возникновением и становлением она во многом обязана различным философским и лингвистическим концепциям прошлого и настоящего. По мере расширения антропоцентрического потенциала лингвистики, то есть все более широкого использования антропоцентрического принципа как методологической основы в практике научных исследований, меняются подходы к трактовке традиционных понятий, таких как, например, система языка, классы слов. Расширяется перечень эгоцентрически ориентированных языковых единиц.

Исследование представляется актуальным, поскольку затрагивает традиционные для языкознания вопросы соотношения языка и мышления; обращается внимание на особое место естественного языка в ряду знаковых систем. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выделить основные факторы лингвофилософского характера, оказавшие влияние на возникновение и становление теории языкового эгоцентризма. Для реализации цели исследования были применены такие методы, как метод логического сопоставления, описательный и сравнительно-исторический методы.

Важнейшим стимулом в становлении теории языкового эгоцентризма было рассмотрение на протяжении многих десятилетий представителями философии, психологии, логики, семиотики и лингвистики вопросов соотношения языка и мышления. В этой связи достаточно сослаться на работы таких представителей отечественной науки как

 © Авторы статьи / Authors of the article

Выготский Л.С., Лурия А.Р., Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А., Жинкин А.И., Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и другие. За рубежом данная тематика находилась в поле зрения Хомского Н., Джекендоффа Р., Филлмора Ч., Миллера Дж. и многих других ученых.

Основные результаты

В практике научных исследований, как правило, выделяются следующие типы мыслительной деятельности (мышления): чувственно-наглядное, образное, предметно-практическое, абстрактно-логическое и языковое. При этом первые четыре типа мышления считаются невербальными, то есть не предполагающими связь с языковой формой. В их основе рефлексы, инстинкты, бессознательные побуждения души, ощущения. Последние, то есть ощущения, как подчеркивается в индийской философии, «порождают идеи, так же как идеи порождают ощущения» [1, С. 578]. Неслучайно Жинкин Н.И., рассматривая схожие процессы, ввел понятие универсального предметного (предметно-схемного) кода, то есть невербальной знаковой системы, в основе которой сенсорное отражение окружающей действительности, иными словами, чувственные впечатления. Данное отражение представлено в сознании человека в виде различного рода неязыковых структур (паттернов) – образов, схем, обонятельных и осязательных «следов». По своей природе они являются, в отличие от речи, нелинейными и непроизносимыми, то есть, по мнению ученого, у них нет материальных свойств слов естественного языка, как и нет последовательности знаков, а имеются лишь изображения [2, С. 158].

Вышеуказанные типы мышления, как правило, рассматриваются как отражающие мыслительный процесс в режиме online. Между тем, важно подчеркнуть, что мышление индивидуума в русле того или иного кода (предметного, образного, логического и т.д.) не является «чистым», то есть непрерывным и последовательным: часто поставленная мыслительная задача не решается сиюминутно в силу различных причин (психологических, физиологических и т.д.). Но это не означает, что мыслительный процесс в направлении заданной цели останавливается. Он переходит в режим offline, то есть на подсознательный уровень. И через какое-то время приходит (а иногда и не приходит) решение поставленной ранее задачи. Подобный тип мышления можно было бы определить как *латентный* (скрытый, невидимый).

Мышление человека по своей сути эгоцентрично, поскольку участником данного когнитивного процесса является не просто человек, а его *я*. В вербальном мышлении, а речь является формой вербального мышления, его отражением, эгоцентрический принцип реализуется через использование языковых знаков – эгоцентриков (первичных или вторичных).

Важно подчеркнуть, что система языковых знаков, репрезентирующая концептуальную область сознания человека и непосредственно связанная с его ментальной и эмоциональной деятельностью, начинает рассматриваться с учетом своей эгореферентности. Знаки представляют собой один из важнейших элементов коммуникации в социуме. «Язык, – как подчеркивал Ч. Моррис, – в полном семиотическом смысле этого термина есть любая, межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено синтактическими, семантическими и прагматическими правилами» [3, С. 76].

В ряду знаковых систем наш естественный язык занимает особое место, являясь важнейшим инструментом формирования мыслительных способностей человека. С помощью языка формируется картина мира, интеллектуальное и эмоциональное восприятие действительности. Вопрос о соотношении существующих знаковых систем, о приоритетности той или иной системы применительно к процессу мышления следует рассматривать с учетом той или иной формы мышления, при этом относя словесный язык к тем семиотическим системам, которые лежат в основе существующих невербальных знаковых систем. В любом случае, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, «знак – это посредник между человеческим мозгом и миром, а системы знаков объединяют их в ещё более высокую целостность» [4, С. 503]. Более того, он является знаком только потому, что «интерпретируется как знак неким интерпретатором» [4, С. 503]. Очевидно, что в роли интерпретатора выступает наше *я*. При этом знак *я* являет собой триединую сущность, выражая идеальное *я*, эмпирическое *я* и *я* языковое (то есть местоимение).

Эгоцентрический принцип фигурирует во всех типах мышления. При этом реализуется он прямо, косвенно или незримо, будучи ядром чувственно-наглядного, предметно-практического, образного, абстрактно-логического и языкового (вербального) мышления. *Я* является ядром сознания и мысли. Даже в тех видах мышления (медитации), которые не предполагают оперирование словесными знаками, *я* присутствует, выполняя функцию наблюдателя. Наш сенсорный аппарат бесполезен без нашего *я*. Чувства лишь отражают окружающую действительность. Видит, слышит, ощущает её в различных сенсорных отражениях наше *я*. Будучи по своей природе идеальной сущностью, *я* индивидуума обладает функцией познания в широком смысле этого слова. При этом непосредственный процесс познания реализуется лишь при условии неизменности и устойчивости первоосновного *я*, при сохранении тождества *я* индивидуума самому себе. Сам познавательный процесс опирается на известное в философии и далее в психологии противопоставление *я – не-я*. Понятие *не-я* включает все, что лежит за пределами *я*. Сюда относится окружающая реальность во всех присущих ей проявлениях. Тело человека и его мозг также находятся в области *не-я*. Мозг человека с его способностью перерабатывать, то есть концептуализировать и категоризовывать огромные массивы информации (телесной, чувственно-наглядной, сенсорно-моторной), является инструментом *я*.

Данные вопросы, то есть вопросы человеческого *я*, его особенности нашли широкое освещение в работах философов Востока (например, индийская философия – упанишады, буддизм, философия ньяя и санкхья) и Запада (работы Фихте И.Г., Фейербаха Л., Гуссерля Э. и многих других).

Существующие системы знаков имеют самые разные семиологические свойства. Система языка является самой сложной семиотической системой с точки зрения своего строения и функционирования. Её отличает, как подчеркивал В.А. Виноградов, ориентация на символизацию, в то время как дискурс (текст) в большей степени стремится к иконичности. И это несоответствие придает языку известный динамизм [5, С. 243]. В то же время, в самой системе

 © Авторы статьи / Authors of the article

языка имеются не только знаки символы, основанные на произвольности, «установленной по соглашению … смежности означающего и означаемого» (см. [6, С. 104]), но также индексальные знаки (или знаки шифтеры) и иконические знаки (случаи иерархизации элементов системы).

Как известно, знаки в системе языка упорядочены и находятся между собой в определенных отношениях. Эти отношения определяются как синтагматические (по типу *и – и*) и парадигматические (или ассоциативные по Ф. де Соссюру) (отношения выбора по типу *или – или*). Система языка у Соссюра предстает как явление семиотического характера. Его утверждение о том, что язык представляет собой систему чистых отношений, было в дальнейшем развито в работе известного представителя копенгагенской школы структурализма и основоположника датской глоссематики Луи Ельмслева. В отличие от представителей Пражского лингвистического кружка, которые, как известно, применяли термин *функция* для обозначения языкового целеполагания, Ельмслев понимает под этим термином то или иное отношение в системе языка, которое существует между языковыми знаками: «Зависимость, которая удовлетворяет условиям анализа, мы будем называть функцией. Таким образом, мы говорим, что существует функция между классом и его компонентами (цепочкой и ее частями или парадигмой и ее членами) и между компонентами (частями или членами) взаимно» [7, С. 33].

В абсолютизации отношений, их самодовлеющего характера при изучении системы языка в период с конца XIX – до середины XX вв. сказывается несомненное влияние философских построений, в частности, представителей неогегельянства. «Исходя из верной в принципе мысли, что вещи существуют лишь благодаря своим отношениям, неогегельянцы абсолютизируют внутренние, существенные отношения, в результате чего вещи оказываются как бы “растворенными” в отношениях» [8, С. 109]. В Англии, например, идеи неогегельянцев во многом определяли направления научных исследований Т. Грина, Э. Керда, Ф. Брэдли, Дж. Х. Стирлинга и др. Так, Т.Х. Грин полагал, что окружающий мир представляет собой существующую на самом деле систему отношений. В то же время все объективно существующие вещи, на его взгляд, детерминированы отношениями, и без этих отношений их существование было бы просто невозможным. Как следствие этого, любое реальное отношение есть «необходимое или «объективное» или же «неизменяемое отношение» [9, С. 36].

Каковы же особенности реализации эгоцентрического принципа в естественном языке? Каковы взаимоотношения *я* с его системой? В научной литературе долгое время вопросы языкового эгоцентризма были на периферии научных исследований. В центре внимания, в основном, находились темы, связанные с субъективными аспектами функционирования языка (ср. *субъективный фактор в языке, субъективное влияние на язык и его развитие, соотношение субъективных и объективных факторов в языке, человеческий фактор в языке, антропоцентризм и* т.д.). С зарождением и становлением когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания (вторая половина XX – начало XXI вв.) основной акцент делается на особой роли человека в функционировании языка, в построении его системы. В этом контексте начинают всё отчетливее формироваться очертания эгоцентрической теории языка с ключевым для неё концептом *я*. Очевидным средством языковой репрезентации концепта *я* служит местоимение *я*.

Исследования в области когнитивной науки позволяют утверждать, что категории языка, его система и структура детерминированы категориями мышления. Очевидно, что концептуальная система человека, существующая в его сознании в виде различных концептов, фреймов, сценариев и т.д., создается как с использованием языка, так и без его участия. Как заметил Л.С. Выготский, мышление и речь имеют различное происхождение. При этом мышление имеет биологическую природу, а речь по своей сути представляет собой явление социального порядка.

Эгоцентрический принцип проявляет себя в языке непосредственно через систему классов слов (включая модальные частицы, модальные слова, модальные глаголы и модальные словосочетания), которая, по своей сути, является эгоцентрически ориентированной (см. [10, С. 91-93]). Любопытно, что в начальный период формирования теории языкового эгоцентризма едва ли ни единственным языковым знаком, отражающим данное явление, было личное местоимение *я*. В дальнейшем, по мере углубления в особенности эгоцентрического фактора в языке, перечень языковых эгоцентриков постоянно расширялся. Их номенклатура стала пополняться, в том числе, лексикой, имеющей эгореферентную направленность (см., например, [11], [12], [13], [14]. А учитывая, что язык (его система и структура) создан, как подчеркивал Ю.С. Степанов, «по мерке человека», он, то есть язык, является, в сущности, эгоцентрически ориентированным, поскольку человек – это его *я*.

Заключение

Таким образом, эгоцентрический принцип, как показывают работы в области философии, психологии и лингвистики и, особенно, в рамках когнитивной лингвистики, может вполне рассматриваться в качестве ядра антропоцентризма, вовлекая в свою орбиту самые разные направления исследований. Возникновение теории языкового эгоцентризма, несомненно, стало возможным вследствие синтеза научно-исследовательских практик вышеуказанных дисциплин. Эгоцентрический принцип пронизывает естественный язык, отражаясь в построении его системы (лексической, грамматической, например) и, в первую очередь, системы классов слов (частей речи).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Список литературы / References

1. Радхакришнан С. Индийская философия. Том 1 / С. Радхакришнан. — СПб.: Стикс, 1994. — 643 с.
2. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество / Н.И. Жинкин. — М.: Лабиринт, 1998. — 368 с.
3. Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: Антология // Ю.С. Степанов (сост.). — М.: Академический проект, 2001. — С. 45-97.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской Культуры, 2004. — 555 с.
5. Виноградов В.А. Иерархия категорий в грамматической типологии / В.А. Виноградов // Proc. of the Fourteenth Intern. Congress of Linguists. — Белгород, 1991. — С. 238-247.
6. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С.102-117.
7. Hjelsmlev Louis. Prolegomena to a Theory of Language / Louis Hjelsmlev. — Madison, Milwaukee, and London. The university of Wisconsin press, 1969. — 144 p.
8. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории / А.Я. Райбекас. — Томск: Изд-во Томского университета, 1977. — 244 с.
9. Green T.H. Prolegomena to Ethics / T.H. Green; Edited by A.C. Bradley. — Second edition. — Oxford: At the Clarendon press, 1884. — 246 p.
10. Гуреев В.А. Основы теории языкового эгоцентризма / В.А. Гуреев. — М.: ООО “РУСАЙНС“, 2021. — 113 с.
11. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюлер. — М.: Прогресс, 1993. — 504 с.
12. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. — М.: Республика, 2000. — 461 с.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: УРСС, 2002. — 447 с.
14. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса // Т.В. Шмелева. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 78-100.
15. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности / Е.Г. Хомякова. — СПб.: Изд-во С. — Петербургского ун-та, 2002. — 219 с.
16. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка / Е.В. Падучева. — М.: Изд. дом ЯСК, 2018. — 440 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Radhakrishnan S. Indijskaya filosofiya. Tom 1 [Indian Philosophy. Volume 1] / S. Radhakrishnan. — SPb.: Stiks, 1994. — 643 p. [in Russian]
2. ZHinkin N.I. YAzyk. Rech'. Tvorchestvo [Language. Speech. Creation] / N.I. ZHinkin. — M.: Labirint, 1998. — 368 p. [in Russian]
3. Morris CH.U. Osnovaniya teorii znakov [The Foundations of the Theory of Signs] / CH.U. Morris // Semiotika: Antologiya [Semiotics: Anthology] // YU.S. Stepanov (compiler). — M.: Academic project, 2001. — P. 45-97 [in Russian].
4. Kubryakova E.S. YAzyk i znanie [Language and Knowledge] / E.S. Kubryakova. — M.: Languages of Slavic Culture, 2004. — 555 p. [in Russian]
5. Vinogradov V.A. Ierarhiya kategorij v grammaticheskoj tipologii [Hierarchy of Categories in Grammatical Typology] / V.A. Vinogradov // Proc. of the Fourteenth Intern. Congress of Linguists [Materials of the Fourteenth International Conference. Congress of Linguists]. — Belgorod, 1991. — P. 238-247 [in Russian].
6. YAkobson R. V poiskah sushchnosti yazyka [In Search of the Essence of Language] / R. YAkobson // Semiotika. — M.: Raduga, 1983. — P. 102-117 [in Russian].
7. Hjelsmlev Louis. Prolegomena to a Theory of Language / Louis Hjelsmlev. — Madison, Milwaukee, and London. The university of Wisconsin press, 1969. — 144 p.
8. Rajbekas A.YA. Veshch', svojstvo, otnoshenie kak filosofskie kategorii [Thing, Property, Relation as Philosophical Categories] / A.YA. Rajbekas. — Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1977. — 244 p. [in Russian]
9. Green T.H. Prolegomena to Ethics / T.H. Green; Edited by A.C. Bradley. — Second edition. — Oxford: At the Clarendon press, 1884. — 246 p.
10. Gureev V.A. Osnovy teorii yazykovogo egocentrizma [Fundamentals of the Theory of Linguistic Egocentrism] / V.A. Gureev. — M.: OOO “RUSAJNS“, 2021. — 113 p. [in Russian]
11. Byuler K. Teoriya yazyka: reprezentativnaya funkciya yazyka [Language Theory: the Representative Function of Language] / K. Byuler. — M.: Progress, 1993. — 504 p. [in Russian]
12. Rassel B. CHelovecheskoe poznanie: ego sfera i granicy [Human Cognition: Its Scope and Boundaries] / B. Rassel. — M.: Respublika, 2000. — 461 p. [in Russian]
13. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General Linguistics] / E. Benvenist. — M.: URSS, 2002. — 447 p. [in Russian]
14. SHmeleva T.V. Smyslovaya organizaciya predlozheniya i problema modal'nosti [Semantic Organization of the Sentence and the Problem of Modality] // Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa [Current Problems of Russian Syntax] // T.V. SHmeleva. — M.: Publishing House of Moscow State University, 1984. — P. 78-100 [in Russian].
15. Homyakova E.G. Egocentrizm rechemyslitel'noj deyatel'nosti [Egocentrism of Speech-Thinking Activity] / E.G. Homyakova. — SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2002. — 219 p. [in Russian]
16. Paducheva E.V. Egocentricheskie edinicy yazyka [Egocentric Units of Language] / E.V. Paducheva. — M.: Publishing House of the UK, 2018. — 440 p. [in Russian]